

ПРОСТОЙ И ВЕЛИКИЙ

Из воспоминаний людей, близко знавших В. И. Ленина или хотя бы однажды встречавшихся с ним, мы знаем, какой глубокий след, какое неизгладимое впечатление оставляло общение с ним.

Пламенный ленинский характер, всеобъемлющее влияние его идей и дел глубоко чувствовали и те современники Ленина, которым не посчастливилось непосредственно с ним общаться. Для народных масс, шедших за Лениным на штурм старого мира, начинавших созидать новый социальный строй, Ленин был простым человеком широкого сердца и великого дела, понятным и родным по духу и идеям, подлинным народнымождем. Таким живет Ленин и в мыслях новых поколений советского народа — наших современников, осуществляющих сегодня ленинские предвидения.

Незабываемый ленинский образ живет в народе как наиболее яркое олицетворение нового героя, человека новой революционной эпохи. Он несет в себе громадную силу воспитательного воздействия. Вот почему с таким интересом и энтузиазом откликались массы уже на первые попытки воссоздать образ Ленина в живописи и скульптуре, в литературе, театре, кино.

Первыми выполнили эту труднейшую задачу Горький и Маяковский. Успешными были и первые попытки воссоздания образа Ленина в советском изобразительном искусстве.

Создавая образы передовых людей революции, коммунистических руководителей ленинского склада, постепенно подходила к художественному воплощению образа великого вождя и советская драматургия. Другим важным ответвлением этого пути была «внесценическая» передача ленинского образа в лучших произведениях советской драматургии. В них Ленин еще не появлялся перед зрителем, но происходившие на сцене события были неразрывно связаны с его именем, с его делом.

Духом ленинизма была проникнута борьба героев «Мистерии-буффа» Маяковского против всей нечести старого мира. Ленинские идеи вдохновляли героев «Шторма» В. Билья-Белоцерковского и «Любови Яровой» К. Тренева. По призыву Ленина и партии вели свой крейсер на помощь восставшему Петрограду героям «Разлома» Б. Лавренева. Имя Ленина в устах Васьки Окорока из «Бронепоезда 14-69» Вс. Иванова звучало пламенным призывом к братству и свободе народов земли. О Ленине думали, с Ленинским советовались, выполняли ленинский приказ героя «Гибели эскадры» А. Корнейчука и «Земли» Н. Вирты. Мощь народного движения, возглавляемого Ленинским, явственно ощущалась в пьесе М. Горького «Достигаев и другие», где отношение персонажей к Ленину — с ним или против него — социальный водораздел между борющимися лагерями.

Одним из самых ярких примеров опосредованного решения ленинской темы в драматургии был фильм по сценарию Л. Рахманова «Депутат Балтики», на основе которого им же затем была написана пьеса «Беспокойная старость». Вместе с героями

этих произведений профессором Полежаевым зритель на всем протяжении драматического действия незримо чувствует присутствие Ленина — вдохновителя и руководителя грандиозных событий революции.

Накопленный опыт внесценического отображения темы, общий идеино-художественный рост советской драматургии сделали возможным ее новый и смелый шаг — переход к непосредственному художественному воплощению образа Ленина на сцене.

Начало положили показанные к двадцатой годовщине Советской власти фильм А. Каплера и М. Ромма «Ленин в Октябре» и спектакли «На берегу Невы» К. Тренева, «Правда» А. Корнейчука и «Человек с ружьем» Н. Погодина.

В последующие годы появляются такие яркие новаторские произведения, как кинофильм А. Каплера и М. Ромма «Ленин в 1918 году», сценарий которого был переработан затем для театра (в новейшем варианте — «Грозовой год»), как пьесы «Кремлевские куранты» Н. Погодина, «Семья» И. Попова. Эти произведения широко известны не только советскому зрителю — они получили признание и в странах народной демократии. Выдержав испытание временем, они и сегодня волнуют и вдохновляют нас.

За последние годы к историко-революционной теме, к образу Владимира Ильича Ленина стали обращаться не только столичные, но и местные драматурги, в том числе драматурги национальных республик.

Ульяновский драматург В. Дедюхин написал пьесу «Нет прекрасной назначения». Свердловчанин И. Чижиков попытался рассказать о жизни В. И. Ленина в ссылке, в селе Шушенском. Пьеса псковского автора И. Чернышева «На рубеже столетий» посвящена тому периоду, когда Ленин вел в Пскове подготовку к изданию газеты «Искра». На сцене Театра имени Лахти зрители увидели народно-героическую драму «Ураган», написанную молодыми литераторами Г. Абдулло и Ш. Киямовым, — первую таджикскую пьесу, в которой воссоздан образ Ленина. В пьесе узбекского драматурга К. Яшена «Путеводная звезда» Ленин думает об орошении Голодной степи. В драме Ф. Бикчентайевой и А. Багаутдинова «Хлеб идет в Москву» с Лениным встречается командир татарского проротряда, собравшего хлеб для рабочих столицы. «С его именем в сердце» — так называется пьеса С. Волкова-Кривушки, поставленную Русским драматическим театром в Уфе. В ней Ленин показан как инициатор создания Башкирской автономной республики.

Многие из историко-революционных пьес последнего времени продолжают и развивают опыт и внесценического отражения образа Ленина. В

Н. ЗАЙЦЕВ

пьесе бурятского автора Д. Батожабая «Барометр показывает бурю» действует известный рабочий-рево-

люционер Иван Васильевич Бабушкин, ученик и соратник Ленина. Героическая драма П. Борисова «В огненном кольце» показывает посланца Ленина — балтийского моряка, работающего во вражеском окружении. Вдохновляемые Лениным, борются за народное счастье герои драм белорусского писателя К. Губаревича «Главная ставка» и армянского драматурга А. Барсегяна «Камо», пьес А. Салынского «Хлеб и розы», В. Михайлова «Суровое счастье», Н. Вирты «Три камня веры» и многих других.

Далеко не каждая из названных пьес, отражающих ленинскую тему, представляет собой действительно новый шаг. Некоторым драматургам недостает для этого мастерства. Но самое стремление их внести нечто свое в решение сложнейшей задачи не может не вызвать сочувствия.

Появившиеся в последние годы

пьесы авторов, впервые обратившихся к теме Ленина, при всей их художественной неравнотенности и известном несовершенстве, в чем-то лишь повторяющие, варьирующие уже

сделанное их предшественниками, не-

редко заключают в себе и черты новых исканий. Продолжая глубоко

плодотворную традицию советского

искусства — показа Ленина в

тесном общении с народом, в едини-

стве его качеств вождя и человека, —

драматурги стремятся, оставаясь на

почве исторически достоверных фактов, искать новые образно-поэтиче-

ские средства решения темы, полные

и ярче выявить устремленность Ле-

нина к будущему, связь ленинских

идей и дел с нашей современностью.

Интересна, например, пьеса молодого драматурга М. Шатрова «Именем революции», развивающая лишь бегло намеченную в «Кремлевских курантах» тему «Ленин и дети».

Драматурги, пишущие о Ленине,

ищут новые интонации, стилевые и жанровые формы. В пьесе Д. Зорина «Вечный источник» как бы проросло и развились то ценное «зерно» погодинского «Человека с ружьем», которое содержалось в беседе Ленина с Шадрином. В пьесе «Вечный источник» Ленин не только учит народ, но и сам учится у народа, думает вместе с народом, вместе с народом находит верные решения. Драматург показывает, как народный опыт, сама жизнь подсказывает Ленину и подтверждают реальность его гениального плана кооперации деревни.

В пьесе Д. Зорина явственно ощущается внутренняя полемичность с тенденцией самодовлеющего монументализма в изображении великих людей, порой приводившего к обединению их внутреннего мира, к отрыву героя от народа. Однако некоторые эпизоды и бытовые штрихи пьесы Д. Зорина вызвали справедливые возражения критики. Стремясь подчеркнуть человеческую простоту и доступность Ленина, Д. Зорин излишне «приземлил» образ. Очевидно, драматург и сам почувствовал необходимость как-то сладить, нейтрализовать бытовой крен пьесы. Отсюда его поиски символического укрупнения образа, поддержаные Малым театром, которому принадлежит наиболее значительная постановка этой пьесы.

Иными стилевыми устремлениями отличаются два других произведения современной драматургии, воссоздающие образ Ленина, — «драматическая поэма» И. Сельвинского «Большой Кирилл» и «трагедийное представление» Н. Погодина «Третья патетическая».

Самим выбором еще не встретившихся в драматургической «Ленинине» жанров авторы этих пьес заявляют о своем намерении по-новому осмыслить и отразить то великое и неумирающее, что заключает в себе

дорогой для нас образ Владимира Ильича Ленина.

Наиболее интересным и глубоким произведением последних лет стала пьеса Н. Погодина «Третья патетическая» — заключительная часть его трилогии, удостоенной Ленинской премии.

Пьесы трилогии Н. Погодина связаны друг с другом развитием внутренних тем, единством творческого духа и авторского почерка. Всем им свойственна романтическая устремленность к будущему, открытая публичность, символическая заостренность некоторых ситуаций и отдельных реплик. И в то же время каждая из пьес трилогии имеет свою

гональность. Оптимистически мажорная, насыщенная юмором, почти комедийная жизнерадостность «Человека с ружьем» сменяется лирически просветленным аккордом «Кремлевских курантов».

В «Третью патетическую» симфоническое сочетание элегических и мажорных звучаний завершается вдохновенным утверждением бессмертия ленинского духа. В этом погодинской пьесе близка и яркая киновопьеса Е. Габриловича «Последняя осень», составившая вторую часть фильма «Рассказы о Ленине».

В ряде эпизодов «Третью патетическую» пробиваются ноты элегического, порой трагедийного звучания. В пьесе неоднократно упоминается о болезни Ленина. Большую тревогу за состояние здоровья Ленина можно уловить в интонациях окружающих его людей. Наконец приходит известие о кончине Ленина..

И все же «Третью патетическую» — это не трагедия в «классическом» смысле. Или вернее — это оптими-

стическая трагедия, существа которой определяют не траурные интонации, а пафос величия неумирающих ленинских идей.

«Третья патетическая» — не просто хронологическое завершение трилогии, как не были чисто биографическими пьесами «Человек с ружьем» и «Кремлевские куранты». В этих произведениях Н. Погодин поднимает большой круг проблем, связанных с формированием нового общества, нового человека. Погодин показывает Ленина, мечтающего о «новом человеческом типе», о человеке новой социалистической эпохи, свободном от пережитков старого мира, живущем по законам новой коммунистической морали. Являя собой ярчайший пример такого человека, Ленин в погодинской пьесе активно формирует воспитывает этих новых людей.

Драматическая поэма И. Сельвинского резко выделяется среди других пьес о Ленине. Начать хотя бы с того, что это единственное пока в наше время драматургии стихотворное произведение о Ленине. Это произведение контрастных красок, крупных мазков, героико-патетической тональности.

И. Сельвинский не боится соединения разнородных стилевых пластов — романтических и сатирических, — в каком-то мере прибегает к условности, доводя эпическое укрупнение образов до символа. Драматург пробует возвратить и по-своему претворить опыт массовых площадных действий революционных лет. Это особенно на-

глядно ощущимо в сцене у Финляндского вокзала, где Ленин, произносящий речь с броневика, не просто возвышается над массой, но и сам эта

масса, увлеченная его речью, как бы поднимается к вождю. Стилевые черты «Большого Кирилла» делают пьесу своеобразным полюсом драматургической «Ленининой», противостоящим, скажем, «Вечному источнику», наиболее отчетливо выражющему другую тенденцию — максимальной бытовой детализации и строгого правдоподобия.

Значит ли это, однако, что следует отдать предпочтение одной из этих тенденций, начисто отметая противоположную, или же считать неприемлемыми обе крайности и искать истину где-то посередине? Думается, что то и другое было бы неплодотворным решением, ограничивающим возможность разнообразия творческих поисков. Нет, мы должны радоваться каждой яркой интонации и приветствовать своеобразие форм, когда она помогает художнику по-своему выразить ту или иную сторону многогранной действительности. Отмечая конкретные просчеты и слабости произведений различной манеры, нужно каждое из них судить по объективной ценности заключенных в них идей и эмоций.

Нет нужды объяснять удачным каждый штрих ленинского образа, воссозданного в пьесе Д. Зорина: не будем возводить в канон элегические мотивы «Третьей патетической», романтическую проподнятость или, тем более, стихотворную форму драмы И. Сельвинского. Но это не должно помешать нам видеть в каждом из этих произведений их своеобразные, им одним присущие достоинства.

Своебразие, новизна раскрытия ленинской темы, как она решается в недавней пьесе Н. Погодина «Цветы живых», состоит в том, что ленинский образ возникает здесь в субъективном представлении современника новой эпохи.

Разговор героя погодинской пьесы Николая Бурягова с Лениным вовсе не следует понимать так, что Николай, мол, человек сомневающийся и Ленину приходится его убеждать. Ведь разговор их воображаемый — воображаемый самим Николаем. И то, что говорит ему Ленин, Николай как бы сам говорит себе. В самом Николае есть и сомнения, и убежденность, и вера. И именно убежденность берет верх над сомнением.

Для сегодняшнего молодого рабочего воображаемое общение с Лениным — это совсем не то, что встречи с живым Лениным солдата Ивана Шадрина, инженера Забелина или чекиста Дятлова — героя погодинской трилогии о Ленине. Но и для Николая Бурягова Ленин — самое сокровенное, что есть в душах наших лучших современников. То, что говорит Ленин в «Цветах живых», как он это говорит, все его интонации — от юмора до патетики — характеризуют в первую очередь самого Николая. Ведь все это живет в нем самом.

НАША драматургия накопила уже немалый опыт в воплощении многогранного ленинского образа. Ее творческие искания увенчались созданием произведений большой эмоциональной силы, глубокого проникновения в сущность ленинского характера.

И все же громадное богатство мыслей и чувства, заключенное в ленинской теме, далеко не исчерпано. Для драматургов, художников сцены и экрана будут открываться все новые и новые грани незабываемого образа. И, конечно, будет создано еще немало прекрасных произведений о В. И. Ленине, раскрывающих его неизвестную связь с эпохой, значение его идей и дел для современности и для будущего.

Для сегодняшнего молодого рабочего воображаемое общение с Лениным — это совсем не то, что встречаются с живым Лениным солдата Ивана Шадрина, инженера Забелина или чекиста Дятлова — героя погодинской трилогии о Ленине. Но и для Николая Бурягова Ленин — самое сокровенное, что есть в душах наших лучших современников. То, что говорит Ленин в «Цветах живых», как он это говорит, все его интонации — от юмора до патетики — характеризуют в первую очередь самого Николая. Ведь все это живет в нем самом.

НАША драматургия накопила уже немалый опыт в воплощении многогранного ленинского образа. Ее творческие искания увенчались созданием произведений большой эмоциональной силы, глубокого проникновения в сущность ленинского характера.

И все же громадное богатство мыслей и чувства, заключенное в ленинской теме, далеко не исчерпано. Для драматургов, художников сцены и экрана будут открываться все новые и новые грани незабываемого образа. И, конечно, будет создано еще немало прекрасных произведений о В. И. Ленине, раскрывающих его неизвестную связь с эпохой, значение его идей и дел для современности и для будущего.

Для сегодняшнего молодого рабочего воображаемое общение с Лениным — это совсем не то, что встречаются с живым Лениным солдата Ивана Шадрина, инженера Забелина или чекиста Дятлова — героя погодинской трилогии о Ленине. Но и для Николая Бурягова Ленин — самое сокровенное, что есть в душах наших лучших современников. То, что говорит Ленин в «Цветах живых», как он это говорит, все его интонации — от юмора до патетики — характеризуют в первую очередь самого Николая. Ведь все это живет в нем самом.

НАША драматургия накопила уже немалый опыт в воплощении многогранного ленинского образа. Ее творческие искания увенчались созданием произведений большой эмоциональной силы, глубокого проникновения в сущность ленинского характера.

И все же громадное богатство мыслей и чувства, заключенное в ленинской теме, далеко не исчерпано. Для драматургов, художников сцены